

I.

Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.

(Письма С. Т. Аксакова).

«Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ!»...

Жуковскій.

Бывшій профессоръ московскаго университета, профессоръ и первый ректоръ кievскаго университета М. А. Максимовичъ оставилъ по себѣ рѣдкую добрую память. Отношенія къ нему многихъ лицъ, выдающихся представителей литературнаго и ученаго міра, были весьма дружественны и постоянны. Его любили и уважали не только товарищи и знакомые, но и цѣлѣныя ихъ семейства, отъ старшаго до самаго меньшаго грамотнаго члена. Ему помогали многіе не только добрымъ словомъ и ходатайствомъ, но весьма часто и „презрѣннымъ металломъ“ и не напоминали о долгѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все это доказывается обширнымъ собраніемъ ихъ писемъ къ нему, уцѣлѣвшихъ доселѣ. Изъ этихъ писемъ мы и хотимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя извлеченія. Весьма вѣрный и теплый очеркъ симпатичной личности Максимовича читатели могутъ найти въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., т. II, стр. 1055—1087, въ статьѣ П. А. Чаева, читанной въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Мы здѣсь хотимъ говорить о лицахъ, которые любили Максимовича и помогали ему бороться съ сильною нуждою, угнетавшею его до конца жизни. Много этихъ лицъ еще остается въ живыхъ; теперь мы будемъ говорить только о почившихъ.

Личность С. Т. Аксакова, какъ писателя, извѣстна всякому читателю; но весьма немногіе знаютъ его, какъ человека. Пора намъ ближе присматриваться къ нашимъ славнымъ дѣятелямъ и узнавать въ нихъ не только степень таланта, но и мощь души,—не только силу слова, но и дѣло сердца. Большая часть современниковъ С. Т. Аксакова уже отошла, а въ настоящемъ поколѣніи немногіе знаютъ, что цѣлые десятки лѣтъ домъ его, равно и А. П. Елагиной, былъ яркимъ, грѣющимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ даровитые дѣятели—отживающіе и пачинающіе, вполне обеспеченные счастливыя и труженики, сами пробивающіе себѣ дорогу. И всѣхъ одинаково радушно встрѣчалъ и покровля гостепріимный, сердечно-заботливый хозяинъ...

Но воспоминаніе объ Аксаковскихъ вечерахъ—весьма долгая пѣсня, которую не намъ заводить... Въмѣсто всякаго слова съ своей стороны, мы лучше приведемъ отрывки изъ его переписки съ Максимовичемъ, которые ясно отыроютъ читателямъ высокосердечную личность старика Аксакова. Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ нѣсколько историческихъ напоминаній.

Въ 1833—1834 годахъ Максимовичъ, по долгой болѣзни, сталъ хлопотать о своемъ переводѣ въ кievскій университетъ; вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гоголемъ, кн. Вяземскимъ, принималъ участіе въ переселеніи Максимовича и С. Т. Аксаковъ; вотъ записка его по этому поводу къ Максимовичу:

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

„Если вы не послали еще извѣстнаго письма въ Питеръ, то удержите его на нѣсколько времени. Я имѣю вамъ сообщить кое-что отъ Брамке. Надѣюсь, что пріѣдете шей хлебать, и по-равьше, чтобъ по-толковать“.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Многія записки Аксакова не имѣютъ на себѣ никакого обозначенія—ни года, ни мѣсяца, и мы размѣщаемъ ихъ только приблизительно. Вѣроятно къ этому-же времени относится слѣдующая записка:

„Пейкеръ весьма желаетъ познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. И такъ я готовъ ѣхать съ вами, когда

вамъ (угодно), только не сегодня. Всего лучше утромъ, часу въ 10-мъ. Обнимаю васъ“. С. А.

(Пейкеръ Ив. Ив., бывший потомъ главнымъ начальникомъ мезевого корпуса и усердный ревнитель рациональнаго сельскаго хозяйства, ум. въ 1844 г.).

Переводъ Максимовича состоялся наконецъ; ему надо было ъхать, а онъ въ долгахъ по-уши; провѣдалъ объ этомъ Аксаковъ и пишетъ къ нему:

„Возлюбленнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Надеждинъ сказалъ мнѣ вчера, что вы затрудняетесь въ *нѣкоторыхъ обстоятельствахъ*; если вы ихъ не уладите, то я готовъ охотно служить вамъ“. Вашъ С. А.

„Только подъ секретомъ“.

Такіе-же „секреты“ заводилъ Аксаковъ со многими,—и секреты конечно были крупные... Въ іюлѣ 1834 года Максимовичъ уѣхалъ въ Кіевъ; тамъ дѣятельность его профессорская по *новому* для него предмету и суета ректорская не давали ему возможности вести частую переписку съ своими многочисленными московскими друзьями. Изрѣдка отзывался онъ къ Сухово-Кобылинымъ (въ домѣ которыхъ нѣкогда давалъ уроки), къ Елагиной, къ Надеждину, къ Погодину, Морозкину, а предъ Аксаковымъ помалчивалъ и, какъ видно, довольно долго. Но мысль о своемъ обязательствѣ его тревожила, и онъ писалъ своему ближайшему пріятелю Погодину о помощи, сдѣланной Аксаковымъ, и поручилъ освѣдомиться объ отношеніи Аксакова. Погодинъ въ ноябрѣ 1835 года отвѣчалъ ему: „Сергѣй Тимофѣевичъ на тебя не сердится“. Между тѣмъ воспитаніе сестры, поддержка отца, устройство памятника на могилѣ матери поглощали всѣ средства Максимовича, и онъ не собрался съ силами уплатить свой долгъ. Въ февралѣ 1838 г. Погодинъ уже тормошитъ его на проломъ: „съ мѣсяцъ тому назадъ мнѣ слышалось, что ты не заплатилъ еще денегъ Аксакову. Помилуй, что ты это?“ И въ декабрѣ того-же года: „что ты дѣлаешь съ Аксаковымъ! Ахъ, братецъ!“...

Наконецъ въ августѣ (1835 г.) пишетъ самъ Аксаковъ.

„Не могу думать, чтобы любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ совершенно забылъ меня, своего искренняго пріятеля! Хочу думать, что онъ писалъ ко мнѣ, даже не одинъ разъ,—не получалъ отъ меня отвѣта, подсаждалъ на меня, рѣшился молчать, но не разлюбилъ лѣ-

ниваго пріятеля. Впрочемъ я знаю, что вы поживаете хорошо, и что дѣла ваши идутъ прекрасно. Пейкеръ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ объ отзывахъ вашего попечителя. По старой дружбѣ, вы вѣрно хотите знать наше положеніе. Мы всё здоровы. Я сдѣланъ директоромъ и приступаю къ преобразованію моего училища въ институтъ. Костя мой выпущенъ кандидатомъ и тѣломъ становится богатырь. Онъ рѣшительно посвящаетъ себя ученой жизни и, можетъ быть, явится къ вамъ въ Кіевъ. Прилагаю у сего письмо къ Николаю Ивановичу¹⁾. Прошу васъ *содержать съ секретъ полученіе сего письма и ожиданіе его прибытія*. Онъ хозяинъ своихъ тайнъ, онъ объяснитъ вамъ все; я увѣренъ, что вы, какъ добрый его пріятель, примете въ немъ искреннее участіе“.

„Простите, любезнѣйшій Михайла Александровичъ! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ мои вамъ кланяются и желаютъ того-же“.

Вашъ С. Аксаковъ.

„Хоть мнѣ совѣстно вамъ напоминать, но если васъ не затруднить, то я просилъ-бы о высылкѣ денегъ“.

Конечно, Максимовичъ отозвался на это письмо, послалъ Аксакову свой „Кіевлянинъ“ (и прежде постоянно посылалъ ему свои изданія) и, безъ сомнѣнія, просилъ объ отстрочкѣ, объ извиненіи, сохраненіи расположенія... Аксаковъ отвѣчалъ ему при одномъ изъ Погодинскихъ писемъ въ апрѣлѣ 1840 г.

„Давно уже хвораю, но не хочу пропустить случая написать нѣсколько строкъ. Будьте спокойны, любезнѣйшій Михайла Александровичъ, на счетъ извѣстнаго дѣла. Вѣдь я обвинялъ васъ только за молчаніе, котораго вначалѣ хранить было не надобно. Я ужасно пораженъ сейчасъ мною полученнымъ извѣстіемъ: сегодня въ 1-мъ часу утра кончилъ жизнь ударомъ Михаилъ Григ. Павловъ. Положеніе жены и 10 человекъ дѣтей ужасно; а онъ убрался славно“...

„Очень благодарю за „Кіевлянинъ“ и за прежніе подарки“.

• ¹⁾ Надежду, который ѣздаль за гравяцу и на возвратномъ пути долженъ былъ ѣхать черезъ Кіевъ.—С. П.

Какъ ни обширно у Максимовича собраніе писемъ къ нему, но значительная часть ихъ роздана была имъ разнымъ лицамъ, собиравшимъ для чего-то автографы; поэтому и писемъ Аксакова у него сохранилось немного. Приводимъ здѣсь ихъ все, какія уцѣлѣли.

„Здравствуйте, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михайль Александровичъ! Хотя не своей рукой пишу къ вамъ, но съ прежней своей дружбой. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что я ослѣпъ лѣвымъ глазомъ и плохо начинаю видѣть правымъ... Но дѣло не объ этомъ. Я прошу вашего вниманія, участія и содѣйствія къ общему нашему литературному предпріятію, исполненіе котораго вручено Вас. Ал. Панову, прекрасному и достойному уваженія молодому человѣку, мною и всеми нашими очень любимому¹⁾. Онъ просилъ меня, чтобъ я познакомилъ его съ вами, что я съ удовольствіемъ исполняю“.

„Когда-же мы съ вами увидимся? Когда вспомнимъ доброе старое время? Что ваши глаза? Напишите или продиктуйте ко мнѣ нѣсколько строчекъ и вложите въ ваше отвѣтное письмо Панову. Прощайте! Обнимаю васъ по старинному“.

Душевно преданный С. Аксаковъ.

„Жена и все мои вамъ очень кланяются. Буду въ Петеръ къ доктору Исунову“ (?).

1846 г., янв. 2. Радонежье, Подмосковная, близъ Троицы.

Осенью 1849 г. Максимовичъ приѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до іюня 1850 г. И, безъ сомнѣнія, къ этой порѣ относятся двѣ записки Аксаковыхъ:

„24 апрѣля. Пишу лежа въ постели. Сыновья обѣдаютъ сегодня у дяди, а Гоголь будетъ у насъ въ среду; но если вамъ не скучно будетъ, любезнѣйшій Михайль Александровичъ, отобѣдать со мной наединѣ—почти, то я очень буду радъ. Приѣзжайте и сегодня я въ среду.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Что съ вами дѣлается, любезнѣйшій Михайло Александровичъ? Я слышу, вы больны... Приѣхала-бы сама навѣстить васъ, но не могу

¹⁾ Рѣчь идетъ о «Московскомъ Сборникѣ», задуманномъ Пановымъ, при содѣйствіи Аксаковыхъ, Языкова, Хомякова, Самаряна, Попова и друг. Издавъ на счетъ Панова.

отлучиться отъ Сергѣя Т.—Посылаю вамъ супеной клубники отъ ревматизма; настоите ее, какъ чай, и кушайте съ сахаромъ; еще баночку варенья изъ клубники-же полевой. Прощайте, до свиданія! Ваша Ольга Аксакова.

Не знаю, какъ васъ, читатель, а меня, случайнаго переписчика этихъ простыхъ записокъ, строки эти чрезвычайно трогаютъ и умиляютъ... Писанныя на какихъ-то лоскуткахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, торопливой рукой—они такъ и переносятъ меня въ грѣбющую, сочувственную, животворящую среду. И какъ легко вѣрится, что въ такой средѣ и чужому было легко, какъ въ родной семьѣ, и больной скорѣе выздоравливалъ, и дѣло скорилось, и веселѣе глядѣлось на Божій свѣтъ... Благо и вспоминать о такихъ людяхъ... особенно теперь, когда не слышно о подобныхъ литературныхъ кружкахъ. Къ 1850 году относится слѣдующая записка Константина С. Аксакова:

„31 августа, Киевъ. Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Мы въ Киевѣ!. Каково! Извѣщаемъ васъ объ этомъ, какъ обѣщали мы вамъ въ Москвѣ. Очень жалѣемъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Вы-бы показали намъ Киевъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Если-бы мы поѣхали райѣ, мы-бы поѣхали на Переяславль непременно. Теперь погода становится уже такъ дурна, что мы спѣшимъ обратно въ Москву и пробудемъ здѣсь не болѣе недѣли“.

„Сестры вамъ кланяются и очень жалѣютъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Что вы и Николай Васильевичъ ¹⁾ не дали извѣстія о себѣ? Киевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе. Но Малороссія вздумала угостить насъ морозомъ и холодной погодой, что мѣшаетъ нашимъ обозрѣніямъ. Мы остановились въ гостинницѣ Лондонъ, близъ Печерска“.

„Прощайте, можетъ быть до скорого свиданія здѣсь или въ Москвѣ“.

Вамъ душевно преданный Константинъ Аксаковъ.

„Вяземскій здѣсь и также очень желаетъ васъ видѣть“.

¹⁾ Гоголь, выѣзжавшій лѣтомъ 1850 года изъ Москвы вмѣстѣ съ Максимовичемъ на родину.

Кн. П. А. Вяземскій въ это время возвращался изъ Палестины, встрѣченный въ Одессѣ литературнымъ обѣдомъ, чрезвычайно его порадовавшимъ. Кіевъ проглядѣлъ его. Москва оказала ему блистательный пріемъ (См. „Москвитянинъ“ 1850 г., № 21, с. 33, Моск. Лѣтопись).

Возвращаемся къ письмамъ старика Аксакова.

5 іюля 1854 г.

„Давно уже получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Михайлъ Александровичъ, писанное вами 13 и 19 мая, а черезъ недѣлю послѣ письма получилъ и двѣ первыя книги „Кіевлянина“. Благодарю васъ за все; крѣпко обнимаю и поздравляю отъ души съ милою жинкою. Я недавно узналъ объ этомъ пріятномъ и великомъ событіи въ вашей жизни и попенялъ вамъ, что вы не уведомили объ этомъ немедленно стариннаго вашего пріятеля. Я потому только не отвѣчалъ въ первые дни на ваше дружеское, теплое письмо, что вы не написали мнѣ своего адреса. На Михайлову гору почта вѣрно не ходитъ; но на посылкѣ вашей написано „Золотоноша“, и такъ вѣроятно можно туда адресовать вамъ письма, что я теперь и дѣлаю и что я могъ-бы сдѣлать назадъ тому двѣ недѣли, еслибъ все это время не былъ очень боленъ. Теперь поправляюсь немножко и сиѣшу отвѣчать вамъ.

„Выраженіе *„соколы въ мытахъ бывають“* рѣшительно означаетъ то время, когда соколъ линяетъ, т. е. перемѣняетъ свои перья; этотъ процессъ сопровождается у птицъ всегда мытомъ, т. е. поносомъ.

„Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье“.

„Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ: оно мнѣ очень дорого и пріятно¹⁾. Есть-ли у васъ второе изданіе „Объ уженнѣ рыби“? Если нѣтъ, то я непременно пришлю вамъ. Вы, вѣрно, получили „Москвитянинъ“, а потому знаете все, что я напечаталъ. Но я не смѣлъ салъ довольно и многое желалъ-бы прочесть вамъ, потому что не все будетъ пропущено цензурой, да и не все можетъ быть напечатано“²⁾.

¹⁾ Это конечно «Записки ружейнаго охотника» оренбургской губерніи, вышедшія незадолго передъ тѣмъ новымъ изданіемъ.

²⁾ Аксаковъ въ этомъ случаѣ самъ смотрѣлъ на себя сквозь очки тогдашней цензуры.

„Вы вѣрно уже знаете, какъ я познакомился съ Паликопомъ и какъ мы полюбили другъ друга ¹⁾. Я уже послалъ ему кое-что и общалъ окончаніе; но хворость и знойное лѣто отнимають у меня руки“.

„Безмысленная цензура не пропускаетъ ничего, что пишеть Константинъ, даже патріотическихъ стиховъ, даже грамматики! Согласитесь, что это тяжело. Теперь лѣто, и мы съ нимъ наслаждаемся природой и удимъ рыбу; но къ зимѣ надо будетъ употребить всѣ усилія, чтобы выйти изъ такого тяжелого положенія. Голоса украинскихъ пѣсень по прежнему вьются и въ Абрамцевѣ, и число ихъ увеличивается“.

„Чаялъ и я также, что грома святой Руси возгремятъ во славу ей, за святое дѣло, во благо всемірное; но послѣднія событія, кажется, доказываютъ, что еще не пришло то время. Впрочемъ, можетъ быть, путемъ испытанія и всякихъ скорбей дойдемъ мы до великой цѣли. Во всякомъ случаѣ: быть грому великому!“

„Отъ всей души желаю, чтобы вы съ милою жинкою перебрались съ Михайловой горы въ Москву; тогда-бы и мы увидали обонхъ васъ въ моемъ мирномъ Абрамцевѣ“.

„Крѣпко я постарѣлъ и похилѣлъ тѣломъ... Слава Богу, покуда сохраняю бодрость духа; но на долго-ли? Скверное дѣло—старость!“

„У насъ сегодня настоящее лѣто: 25 град. въ тѣни. Я люблю лѣтній зной. Въ немъ есть что-то роскошное и привольное“.

„Моя старуха и всѣ мои дочери очень вамъ кланяются; а также вашей милой супругѣ: вы вѣрно заочно познакомили ее съ нами. Константинъ васъ обнимаетъ. У насъ съ 25 марта совершенный лазаретъ. Старуха моя была очень больна, а я хвораю безпрестанно съ 22 августа прошлаго года. Нынѣшнимъ лѣтомъ еще не наслаждался. Авось теперь удастся запастись лѣтнимъ тепломъ на зиму. Прощайте, мой любезнѣйшій Мих. Алекс.! Не забывайте насъ, а мы васъ всегда помнимъ. Крѣпко обнимаю“.

Душою вашъ С. Аксаковъ.

¹⁾ Здѣсь вѣроятно разумѣется Куляшъ, занимавшійся тогда біографіей Голля; Аксаковъ дѣйствительно доставлялъ ему не мало матеріаловъ въ то время.—С. П.

Москва, 10 апрѣля 1856 г.

„Лучше поздно, чѣмъ никогда“—говорить французская пословица; но она не оправданіе мнѣ, мой любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Прошло слишкомъ мѣсяць, какъ я получилъ письмо ваше отъ 17 февраля... Не оправдываюсь также суетою московской жизни, отъ которой я поотвыкъ въ продолженіи безвыходной 4-хъ лѣтней жизни въ деревнѣ, суетой, которая удесятерилась въ сравненіи съ прежней. Едва я имѣю 3 или 4 часа свободныхъ утроемъ, которые посвящаются исключительно литературному дѣлу... Но я не хочу оправдываться, а прошу васъ вѣрить моей искренней, неизмѣнной дружбѣ. Какъ обрадовали вы меня извѣстіемъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ вы прїѣдете въ Москву! А вось, Богъ дастъ, увидимся, потому что до моего Абрамцева всего 66 верстъ; да я и самъ въ концѣ лѣта, къ коронаціи намѣренъ прїѣхать со всей семьей недѣли на двѣ въ Москву, а въ исходѣ октября надѣюсь переѣхать въ Москву на всю зиму и даже до половины мая.

„Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ прискорбно, что до 17 февраля вы не имѣли моей „Хроники“, которую я немедленно выслалъ къ вамъ; но, увы! имѣлъ глупость сдѣлать это черезъ Кулиша, потому что на ту минуту не зналъ вашего адреса ¹⁾. Ежели вы и до сихъ поръ не получили моей книги, то это приведетъ меня въ отчаяніе. Кулишъ явился ко мнѣ въ Москву совсемъ неожиданно и объявилъ мнѣ, что ожидалъ васъ въ Кіевѣ и потому книги вамъ не послалъ. Онъ однакоже написалъ немедленно, чтобъ книга была вамъ сейчасъ доставлена. Если вы ее получили и прочли, то прошу васъ написать мнѣ настоящую правду. Я требую этого отъ васъ во имя нашей 30-ти лѣтней прїязни. Забудьте все, что васъ неприятно остановитъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи; ради Бога, не бойтесь показаться взыскательнымъ и придирчивымъ: мнѣ это необходимо, потому что я приступаю къ исправленію книги для втораго изданія ²⁾.

¹⁾ Максимовичъ съ 1856 г. часто ѣзжалъ въ Кіевъ и проживалъ тамъ по нѣскольکو мѣсяцевъ.

²⁾ Это желаніе С. Т. Аксакова замѣчательно, какъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ много довѣрялъ онъ эстетическому вкусу Максимовича, такъ и въ томъ еще, что онъ вовсе не былъ отуманенъ громкими похвалами, раздававшимися почти одновременно со стороны авторитетныхъ цѣнителей, какъ гг. Аявенокъ, Галировъ, Дудышкинъ, Плетневъ...—С. П.

Я написалъ четвертый отрывокъ „Сем. Хроники“ и пишу пятый. Уступая общему желанію узнать, какъ начнутъ свою жизнь молодые Багровы, хотя для меня это очень трудно и щекотливо.“

„Я тогда-же передалъ Погодину данное вами мнѣ порученіе; но у него идетъ какая-то темная исторія съ „Москвитяниномъ“: то онъ его уничтожаетъ, то передаетъ, то самъ выдаетъ“¹⁾.

„Въ Русской Бесѣдѣ я не принималъ участія, но сыновья мои участвуютъ. Иванъ на дняхъ воротился и долженъ теперь заняться отчетами географическому обществу. Константинъ печатаетъ „Луповицкаго“²⁾. Кулишъ (онъ проситъ, чтобъ его болѣе не называли Кулѣшъ), слава Богу, отдохнулъ теперь; онъ получилъ право общей цензуры³⁾ и печатаетъ теперь въ Петербургѣ „Записки о жизни Гоголя“, которыя немедленно выходятъ. Вѣроятно, онъ началъ уже печатать свои этнографическія „Записки о южной Руси“ и проживетъ въ Петербургѣ до іюня. Я очень полюбилъ этого энергическаго и преданнаго своему дѣлу человѣка“.

„Много любопытнаго и новаго происходило у насъ въ Москвѣ. Если вы читаете газеты, то вѣрно замѣтили праздники черноморскихъ морякамъ. Жаль, что вы не узнаете до пріѣзда въ Москву рѣчи Погодина на обѣдѣ Сажену и также рѣчей моего Константина. Много пріятныхъ надеждъ зашевелилось въ сердцахъ честныхъ людей; но я боюсь, что онѣ рановременны. Впрочемъ будемъ надѣяться. Государь нашъ добръ и разсудителенъ. Нельзя вдругъ освободиться отъ тины, которая полтора ста лѣтъ постоянно наплывала.“

„Успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе независчиво, и оно остается такимъ, не смотря на всѣ печатныя, письменныя и словесныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ

¹⁾ «Москвитянинъ» прекратился въ 1856 г.

²⁾ Эта комедія лѣтъ пять не была дозволяема къ печати, но списки ея издали въ провинціи уже въ 1852 г.; мнѣ самому случалось ее переписывать подъ строжайшимъ запретомъ—ввѣкому не показывать...

³⁾ До той поры онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай М.».

теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производить необыкновенное дѣйствіе“.

Прощайте, до свиданія! Крѣпко васъ обнимаю.

Душою вашъ С. А.

На этомъ-же самомъ письмѣ, глазамъ не вѣря, читаешь слѣдующую приписку самаго Аксакова:

„Сегодня съ Хомякова полиція беретъ подписку—не ходить въ русскомъ платьѣ и бородѣ!!! Печальное событіе, глубоко оскорбляющее всѣхъ русскихъ людей, способныхъ уважать честь, честность, умъ и всѣ дары Божіи въ Хомяковѣ“.

Аксаковъ могъ-бы прибавить: любовь къ Россіи, во всему ея завѣтному и многія гражданскія доблести въ Хомяковѣ, которыя онъ въ сто разъ болѣе проявилъ, чѣмъ его запретители...

Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызываемъ въ Москву для завѣдыванія редакціей „Русской Бесѣды“, и онъ извѣстилъ Аксакова о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Вотъ отвѣтъ Аксакова:

1857 г., 3 мая.

„Извиняте меня, любезнѣйшій пустыяникъ Михайловой горы, мой добрый, старый собесѣдникъ Михайль Александровичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Московская хлопотня, да еще свадьба дочери ¹⁾, совершенно вскружили мою голову, и я хотѣлъ отвѣчать вамъ уже изъ деревни; но вчера былъ у меня Осипъ Максимовичъ и прочелъ мнѣ по секрету ваше письмо ²⁾. Благодарю васъ за память о старомъ и за новую довѣренность. Кажется, это не трудно будетъ уладить. Въ свое время Бодянской увѣдомитъ васъ обо всемъ подробно. Не нужно васъ увѣрять, какъ мы, старыяныя ваши пріятели, т. е. я и свать мой Антошъ, будемъ рады вашему переѣзду въ Москву. Авошь, мы съ вами виѣстѣ еще что-нибудь поработаемъ“.

„Вы встрѣтили новую «Молву» ³⁾ точно съ такимъ-же чувствомъ въ вашемъ письмѣ, съ какимъ я встрѣтилъ ее печатно въ 1 №. Война

¹⁾ Марія Серг. за Томашевскаго.

²⁾ Ос. Мак. Бодянской. Секретъ касался предполагаемаго переѣзда въ Москву.

³⁾ «Молва» — газета, основанная въ 1857 г. К. С. Аксаковымъ подъ его же редакціей; номинальнымъ редакторомъ былъ г. Шпялевскій. Она просуществовала только годъ. Говоря о «Молвѣ», Бодянской писалъ Максимовичу: «это — конница при пѣхотѣ» («Рус. Бесѣда»). — С. П.

загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда—дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ прѣзжать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Ответственный редакторъ—неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой.

„Я дописываю большую книгу. Кажется, я писалъ къ вамъ о моей работѣ. Это *должно* быть (хорошо, если *будетъ*) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Сначала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный рассказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила „Хроника и воспоминанія“. Жизнь человѣка въ дѣтствѣ не всѣмъ будетъ понятна, и подробности рассказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными. Отрывокъ будетъ помѣщенъ въ 3-й книгѣ „Бесѣды“¹⁾.

„Прощайте, любезнѣйшій другъ! Если вздумаете писать ко мнѣ, то адресуйте въ Сергіевскій посадь. Да подкрѣпитъ Богъ ваше здорье. Всѣ мои усердно кланяются вамъ и вашей женѣ и я также. Обнимаю васъ по старому“.

Душою вашъ С. Акс.

„Обнимите за меня Чижова. Я душевно скорблю объ его болѣзни“.

Это было послѣднее письмо С. Т. къ Максимовичу. Въ 1858 и отчасти въ 1859 г. Максимовичъ жилъ въ Москвѣ, а 30 апрѣля 1859 г. скончался С. Т. Аксаковъ...

¹⁾ Последняя половина письма этого является новымъ доказательствомъ здраваго и вѣрнаго взгляда автора на свое сочиненіе («Дѣтскіе годы») и вмѣстѣ съ тѣмъ критическимъ предвидѣніемъ, которое оправдалось на опытѣ.

„Самыя полныя, искреннія записки — говорить кн. Вяземскій—не имѣють въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышуть и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея“.

Раздѣляя эти мысли, мы и предлагаемъ вниманію читателей былую „жизнь по горячимъ слѣдамъ ея“.

II.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

(*Мерзлякова, Раича, Одоевскаго, М. П. Павлова, Чиждова, стихи Максимовича*).

«И много славныхъ тѣней встало!»...

Жуковский.

Въ послѣдніе годы своей жизни Максимовичъ самъ собирался печатать нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ къ нему, подъ общимъ заглавіемъ „Перекасти-поле“. Помнится, одна тетрадка была уже готова и отправлена въ какую-то редакцію, и тамъ пропала... Намъ случалось видѣть ее у Максимовича, и мы ясно помнимъ, что первыя свои извлеченія и воспоминанія онъ посвятилъ „наставникамъ, хранившимъ юность“¹⁾. Слѣдуя его завѣту, мы предлагаемъ нынѣ кажется все то, что было избрано имъ самимъ.

Въ началѣ 1826 г. Максимовичъ, служившій тогда еще въ Москвѣ, былъ назначенъ помощникомъ проф. Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университетскіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей московской жизни. Туда къ нему очень часто обращались товарищи и добрые знакомые за цвѣтами и пр., и онъ не отказывалъ, особенно когда просительная записка привѣтливо обвивалась около его

¹⁾ Погодинъ пишетъ къ Максимовичу въ 1871 г.: «Перекасти-поле» я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Непосвященные, непонимающіе (чтобы не сказать—дурня) забраковали его. Не сердись.

сердца. Въ бумагахъ Максимовича сохранилась одна подобная записка Мерзлякова:

„Къ юному, доброму русскому Линнею обращаюсь съ извѣстною просьбою и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то есть, въ Сокольниковы. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ? Отвѣтъ: какіе можно. Я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется женщины любятъ, что поцвѣтѣе, что подушистѣе, покрасивѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіи вакаціи: и потому она просила у васъ напр. маргаритокъ, резеды и пр. и пр., что придумаете. Надѣюсь на васъ ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, беспокою васъ такой комисіей и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговорился. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту.

Съ истиннымъ почтеніемъ“... и проч.

Записка помѣчена „3 мая“, безъ означенія года, но несомнѣнно относится къ концу 20-хъ годовъ. Это единственный, извѣстный намъ образецъ дружеской записки Мерзлякова, о которомъ Жихаревъ говорилъ: „нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку“. Вспомнимъ при этомъ прекрасное выраженіе Мерзлякова: „десятокъ умныхъ головъ не стобитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны по своему“.

По тому-же поводу обращается не разъ къ Максимовичу незаслуженно-забытый, добродушный Раичъ-Амфитеатровъ Егор. Сем. (родной братъ кievск. митроп. Филарета), и притомъ въ стихахъ; вотъ образчикъ:

„Хотѣлось-бы васъ просить
 Стихами или прозой—
 Мой садъ обогатить
 И топодемъ и розой,
 Лилеей, сирингой;
 Хотѣлось-бы въ садикъ мой
 Переманить шевръ-фѣли,—
 А впрочемъ— то-ли, то-ли
 Пришлете,— все равно!

Раичъ былъ когда-то предсѣдателемъ одного изъ литературныхъ кружковъ московскихъ, въ которомъ членами были А. Н. Муравьевъ (паломникъ), Вл. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. И. Рожанинъ, переводчикъ „Страданій Вертера“, А. И. Писаревъ, остроумный водевилистъ, А. И. Кошелевъ, Н. В. Пугата и кн. Вл. Θ. Одоевскій. Единственныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ, и то невѣрныя, сохранены К. А. Полевымъ въ его неоконченной книгѣ „Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго“ (Спб. 1860 г.). Нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ воспоминаній можно найти въ нашей литературѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ; но лучше всякихъ воспоминаній для насъ—ихъ собственныя письма, которыхъ хотѣлось-бы больше и больше видѣть въ печати. Мы очень рады, что можемъ привести здѣсь два письма кн. Вл. Θ. Одоевского къ Максимовичу, относящіяся къ 1833 году и имѣющія біографическое значеніе. Надо замѣтить, что князь писалъ письма очень рѣдко.

Сближеніе кн. Одоевского съ Максимовичемъ началось еще въ 1824 году. Первая книга, изданная Максимовичемъ „Зоологія“, вызвала у кн. Одоевского весьма сочувственную рецензію (въ Сынѣ Отечества); мало того: князь позаботился отыскать самаго Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и вседушевно радовался успѣхамъ его научнымъ и литературнымъ. Чуть только вышла у Максимовича „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, князь немедленно послалъ ему слѣдующій привѣтъ:

Спб., 10 іюня 1833 г. (?)

„Поздравляю и благодарю васъ отъ сердца, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ¹⁾; я отъ вашей книги Наума безъ ума отъ восхищенія и доказательствомъ тому можетъ служить то, что я пишу къ вамъ,— дѣло, на которое, какъ вы сами знаете, я рѣдко покушаюсь. Что будешь дѣлать? Время бѣжитъ такъ быстро, такъ быстро, работы на семь свѣтъ такъ много, такъ много, что если давать сердцу свободу слѣдовать своему влеченію, то не успѣешь оглянуться, какъ исчезнутъ силы для дѣятельности, а останется только одна охота ничѣмъ не-удовлетворимая. И это письмо есть письмо полудѣловое: знаете-ли вы,

¹⁾ Sic! Князь или запамятовалъ отчество, или титулуетъ его прямо по фамиліи.

что мы встрѣтились съ вами на дорогѣ литературной? Можетъ быть, вы слышали уже, что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химією; я здѣсь весь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гессе (ужаснаго атомистика, но того-то мнѣ и надобно было), съ цѣлю написать „Народную Химію“. Образчикъ моей работы „Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ“, можете прочесть во 2-й книжкѣ „Журнала общепользныхъ свѣдѣній“. Не можемъ-ли мы соединить наши труды? Увѣдомьте меня, какія части вашего изданія еще вами не обработаны, или—не сообщите ли вы мнѣ, прежде напечатанія, уже готовые ваши труды? Сверхъ того, что я стану для васъ работать даромъ, т. е. не участвовать въ выгодахъ, и могу помочь вамъ и въ издержкахъ изданія; а если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ предпріятіяхъ, то мнѣ возможно будетъ взять на себя и всѣ издержки на печатаніе безъ возврата; это вамъ дастъ способъ пустить книгу дешевле, что мнѣ кажется необходимымъ. Подумайте о семъ и сообщите мнѣ ваше мнѣніе, безъ всякихъ обиняковъ и церемоній, ибо въ такомъ дѣлѣ, котораго цѣль единственно общая польза, всякія вѣжливости почти преступленіе. Вы меня знаете и потому можете вѣрить, что это не пустякія фразы, а дѣйствительно то, что я думаю и чувствую. Когда вы согласитесь на мое предложеніе и наивыше мнѣ подробно, какъ вы думаете соединить наши работы, тогда я вамъ сообщу нѣкоторыя замѣчанія на 1-ю книжку вашего изданія. Она вообще прекрасна, вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ; но боюсь, будетъ-ли книга ваша совершенно понятна: по странному стеченію обстоятельствъ, вы пропустили именно то, что мнѣ казалось необходимымъ выяснить въ моей химіи для свѣчныхъ мастеровъ, а именно: увѣрить ихъ, что воздухъ есть дѣйствительно тѣло. А напротивъ мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ г. Наумъ. Слава и честь ему! Это самое навело меня на мысль, что въ дѣлѣ такого рода соединеніе трудовъ можетъ быть полезно больше, нежели въ чемъ другомъ, ибо что не придетъ на мысль одному, то придетъ другому. За всѣмъ тѣмъ я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно ужъ не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша

и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлю, и во время. Вы знаете, что теперь вошло въ моду и между самыми образованными людьми сомнѣваться въ благѣ просвѣщенія и не вѣрить уму человѣческому. Я-же не перестаю говорить этимъ господамъ: „Мм. гг., чтобы видѣть ясно, надобно освѣтить комнату, а безъ того вы не имѣете права даже сомнѣваться“. Тѣ чудеса, которыя должно произвести просвѣщеніе русскихъ, подтверждаютъ слова мои, и способствовать тому почитаю цѣлю всякаго человѣка, у котораго есть мозгъ въ головѣ и сердце въ груди. Ссю мыслію я руководствуюсь во всѣхъ моихъ поступкахъ, и она-же заставила меня порадоваться отъ души вашему прекрасному труду. Я теперь пишу статью о вашемъ Наумѣ для Журнала Мин. Вн. Дѣлъ. Пришлите мнѣ нѣсколько экземпляровъ вашей книги, я спущу ихъ съ рукъ. Прилагаю при семъ для васъ экземпляръ моихъ „Сказокъ“, который давно уже былъ вамъ назначенъ и который я забывалъ послать вамъ“.

Васъ душевно любящій и уважающій кн. Вл. Одоевскій.

Другое письмо кн. Одоевскаго не имѣетъ на себѣ никакой помѣты; но оно несомнѣнно относится къ концу 1833 года, какъ видно изъ самаго содержанія письма и изъ того обстоятельства, что въ немъ идетъ рѣчь объ альманахѣ Максимовича („Денница“), который готовился онъ издать на 1834 годъ.

„Не имѣю времени, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ, отвѣчать порядочно на ваше письмо, ибо дѣла у меня по уши. Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „*Сцена изъ Петра Пустынника*“ и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обещаю ее отправить обратно на другой-же день; сегодня 23-е, слѣдов. чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься. Чрезъ мѣсяцъ буду свободнѣе и буду подробно писать вамъ. Вашъ „Наумъ“ будетъ взятъ для школы канцелярскихъ служителей; это будетъ довольно большое количество экземпляровъ, въ семъ случаѣ какую вы цѣну ему назначите? Увѣдомьте меня“.

„Я печатаю — ужасъ — что! — съ Гоголемъ „Двѣйчатку“, книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей ¹⁾); сверхъ того: „Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней“, почти всю составленную изъ моихъ оригинальныхъ піесъ и сверхъ того еще особенно дѣтскую фантастическую сказку „Городокъ въ табакеркѣ“; корректуры на меня рѣшкой льются, а пуще всего къ концу года *служебныя дѣла* обыкновенно умножаются, и потому не имѣю минуты свободной. О Наумѣ буду писать къ вамъ, когда все это уюмонится; я для него много приготоуилъ, а еще болѣе прискалъ. Прощайте! Вашъ кн. Од.“

„Да напишите мнѣ вашъ адресъ“.

Съ переѣздомъ Максимовича изъ Москвы въ Кіевъ, письма къ нему московскихъ друзей уже именно рѣшкой полились. Въ главѣ ихъ мы поставимъ письмо любимаго его наставника Мих. Григ. Павлова.

Москва, 1834 г., ноября 13.

„Очень радъ вашему, хотя довольно позднему, отзыву, почтеннѣйшій Михайло Александровичъ! Пыланіе хотъ куда! Васъ посѣщаетъ, видно, и тамъ вдохновеніе; не изъ Москвы-ли оно прилетаетъ? Думаю, что Кіевъ не могъ еще сдѣлаться для васъ тѣмъ, чѣмъ была Москва. Мы сами очень объ васъ жалѣемъ, но что-жъ дѣлать! Мое по крайней мѣрѣ побужденіе — не удерживать васъ — доселѣ остается въ томъ-же видѣ. Весь сѣверъ погруженъ въ атомизмъ; нельзя-ли хотъ на югъ распространить динамизмъ? Увѣренъ, что вы въ этомъ успѣете. Вотъ моя мысль, когда я вамъ совѣтовалъ ѣхать въ Кіевъ“.

„Видите-ли: вышла еще „Физика“ въ Петербургѣ, какого-то Щеглова, вѣрно — это потомокъ перваго. „Сѣверная Пчела“ прожужжала, что эта „Физика“ превосходитъ не только всѣ русскія, но и всѣ иностранныя. Я ея еще не читалъ, но видно по полѣту; тамъ-же, въ

¹⁾) Вообще не выходила. А «Дѣтская книжка» вышла въ 1833 г., на заглавіи сказаво: *Издан. В. и О. «Городынь»* вышелъ въ 1834 г. Если предполагается полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, то надо будетъ обратить вниманіе и на его «Дѣтскую книжку», и на сцену изъ «Петра пустынника», которыя въ Деяніяхъ не появлялись, и на рецензію «Наума».

„Сѣверной Пчелѣ“ сказано: Щегловъ и Перевощиковъ суть представители современной Физики. Теперь судите: какъ атомистика крѣпко еще держится. Жаль, что у насъ, гдѣ все ново и юно, поддерживается старая нелѣпность. Помогите мнѣ совершить побѣду надъ атомистами. Знаю, что вы уже воевали противъ нихъ, но боюсь, чтобъ дѣла ректорства не отвлекли васъ отъ сего полезнаго дѣла въ русскомъ просвѣщеніи“.

„Съ сею почтою отправляются къ вамъ 7 экземпляровъ моей „Физики“ и 2 „Земледѣльской Химіи“. За первую съ пересылкою полагаю по 5 р. асс. за экземпляръ, за вторую—10 р. асс. Это та цѣна, за которую получаютъ эти книги изъ московскихъ книжныхъ лавокъ; слѣдовательно“...

„Пишите чаще, не лѣнитесь; переписка ваша съ нами должна служить вамъ вмѣсто освѣженія и успокоенія отъ дѣлъ ректорскихъ, отъ скуки непривычной жизни“.

„У насъ всё по старому; право, нѣтъ никакого движенія, ни взадъ, ни впередъ, хотя двигатели и хлопочуть. За обѣдомъ у меня 8 ноября нито было здоровье и кіевского ректора; видите-ли, какъ мы васъ помнимъ; на что-жь и вамъ забывать насъ? Повторяю: пишите чаще“.

Вамъ преданнѣйшій Мих. Павловъ.

„Убѣдите вашего Абрамовича, что французы—дѣти въ теоріяхъ своихъ“.

Щегловыхъ было два: одинъ—Никол. Прокофьевичъ (1793—1831) былъ профессоромъ въ санктпет. университетѣ, издавалъ книги о физикѣ въ 1823, 24 и 29 годахъ и на его „Руководство къ физикѣ“ отчасти ополчился Максимовичъ, какъ на слѣдовавшее системѣ атомистической (рец. въ „Моск. Телегр.“ 1830, № 7, с. 339—354). Но въ 1834 г. вышли „Начальныя основанія физики“ другого Щеглова, Николая Тихоновича, бывшаго адъюнктомъ въ петерб. университетѣ; объ его сочиненіи Максимовичъ уже не имѣлъ времени отозваться, чтобы исполнить желаніе своего учителя. Мнѣніе Максимовича о „Физикѣ“ самаго Павлова было напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г. (№№ 192 и 207); онъ-же разбиралъ и его „Земледѣльскую Химію“ („Моск. Телегр.“ 1825 г., №№ 21 и 24).

Абламовичъ Игн. Карл. былъ профессоромъ физики въ кievскомъ университетѣ, поступилъ туда изъ волынскаго лицея и не оставилъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Въ январѣ 1835 г. пытался было перейти на службу въ Кіевъ и Д. М. Перовошиковъ, какъ видно изъ письма его къ Максимовичу, но переводъ его почему-то не состоялся.

Слова Павлова о письмѣ Максимовича „*посланіе хоть куда!*“ могутъ быть примѣнены ко многимъ его письмамъ. Многочисленные его корреспонденты и корреспондентки, безъ сомнѣнія, живо помнятъ то радостное чувство, съ какимъ они встрѣчали его письма, которыя мы не можемъ иначе характеризовать, какъ словами—*свѣтлыя и теплыя*. И потому весьма желательно было-бы, еслибы всѣ, имѣющіе у себя письма Максимовича, печатали хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Та искренность и теплота, которыя дышутъ въ письмахъ его, дадутъ имъ несомнѣнную цѣнность и въ глазахъ стороннихъ читателей. Иногда въ своихъ письмахъ Максимовичъ помѣщалъ по нѣсколько строчекъ стиховъ, большею частію экспромптовъ, и они блестяли животрепещущимъ вдохновеніемъ. Хорошо-бы собрать и ихъ, это была-бы прелестная антологія, не чуждая историко-литературнаго характера. Стихи его цѣнили самые знатные судьи въ дѣлѣ поэзіи. Въ письмахъ Хомякова къ Максимовичу мы нашли, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Благодарю за милые стихи, которые бережно спряталъ и хранить буду“.

Но что это за стихи—рѣшить навѣрно не можемъ. Въ бумагахъ Максимовича мы встрѣтили слѣдующій черновой набросокъ, который всего скорѣе можетъ быть отнесенъ къ словамъ Хомякова:

Господь тебя благословялъ
 На вѣснопѣвье и на слово,
 И мысль высокую внушилъ,
 И сердце далъ къ добру готово.
 И много истиць ты вѣщалъ
 Въ простыхъ рѣчахъ и въ вѣснопѣвьяхъ,
 И русскій человекъ внималъ
 Тебѣ въ сердечномъ умиленья...
 И вотъ великій часъ припелъ,
 Часть лучшей жизни въ русскомъ мѣстѣ:

Пускай же вывѣ твой глаголь
Звучить на вдохновенной лирѣ!
Пусть утвердить и ладъ и строй
Въ немолчвомъ шумѣ словопреній...

Стихотвореніе не кончено... Въ другомъ мѣстѣ мы нашли видимый вариантъ послѣдняго неоконченнаго куплета, также не конченнаго:

Не иждивай себя съ толпой
Въ немолчвомъ шумѣ словопреній,
Ты давай имъ лучшей ладъ и строй.

Въ бумагахъ Хомякова, конечно, сохранился исправленный листокъ этого стихотворенія; пожелаемъ, чтобы онъ былъ отысканъ... Легко догадаться, что стихи эти относятся къ 1858 году, когда у насъ начались „словопренія“, по поводу крестьянскаго вопроса.

Иногда случалось Максимовичу произносить и живые экспромты, въ которыхъ если не было блестящей формы, за то сіяла мысль и теплилось чувство; таковъ напр. его застольный экспромтъ на обѣдѣ 25 марта 1858 г.

За „Русскую Бесѣду“ — сей бокаль —
И „Сельское Благоустройство“:
Чтобъ русскій умъ просторъ назвалъ,
И русскій міръ вкусилъ довольство!

Чего и хотѣть больше, послѣ „простора уму“ и всеобщаго довольства!

Всѣ подобныя блестящія ума и чувства были-бы своего рода иллюстраціей въ будущей исторіи нашего развитія, и потому весьма желательно было собраніе во-едино всѣхъ подобныхъ поэтическихъ отголосковъ, производившихъ столько радости и ободренія въ дружескихъ кружкахъ. Намъ вѣрится, что подобное дружеское слово не мало влияло на энергію главнѣйшихъ подвижниковъ въ великомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе своей мысли прибавимъ слѣдующее:

Максимовичъ когда-то собирався писать свои воспоминанія, но сборами дѣло и кончилось, какъ ни подстрекалъ его къ этому Погдинъ¹⁾. Узнавъ отъ кого-то о мысли Максимовича, вотъ что писалъ къ нему Ө. В. Чижевъ:

1) Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ являются «Письма о Кіевѣ» Максимовича, гдѣ онъ переписалъ почти всѣ письма къ нему Пивокентія и обставилъ ихъ интересными фактическими объясненіями. — С. II.

„Душевно радъ слышать, что вы желаете писать ваши воспоминанія; въ настоящее время они дороги, какъ изображеніе уже невозвратнаго и непонятнаго настоящему поколѣнію времени. Все, начиная съ понятій и чувствъ до обыденной жизни, такъ перемѣнилось, что наше дѣтство стало истинною стариною, и чѣмъ оно подробнѣе и ярче изобразится, тѣмъ дороже будутъ такіа воспоминанія для исторіи нашего развитія“.

О. В. Чижова, какъ общественнаго дѣятеля, знаютъ хорошо многіе; но какъ писателя, какъ человѣка, едва-ли его знаютъ въ нашемъ читающемъ обществѣ, и потому приведемъ одно изъ его писемъ къ Максимовичу. Оно относится къ февралю 1850 г., когда Максимовичъ гостилъ въ Москвѣ, а Чижовъ въ Кіевѣ.

„Радъ душевно, почтенивѣйшій, многоуважаемый и душевно любимый мною Михаилъ Александровичъ, что наконецъ я пишу къ вамъ. Почему-бы, казалось, не писать раньше? Я думаю—по двѣи, первое; второе—потому, что не было положительнаго дѣла, а безъ дѣла писать—какъ-то не писалось. Съ радостію узналъ изъ письма вашего, что Москва вызвала васъ снова на литературную дѣятельность; вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто-бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполною. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою. Радуюсь искренно вашей дѣятельности; разумѣется, я не отказался-бы способствовать ея обстановкѣ моими посильными трудами, и благодарю васъ за честь—участвовать въ вашемъ изданіи. Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во вторыхъ—подпискою: все, что ни напишу, представлять на цензуру въ собственную его величества канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью; если-же

напечатать безъ этой цензуры, то, по силѣ подписки, и я, и издатель мною предупрежденный, подвергнутся справедливому наказанію. Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переноски и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту. Отвѣтите на это письмо поскорѣе, тогда быть можетъ я еще и успѣю написать о софійскомъ соборѣ и объ иконостасѣ въ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ“.

„Жаль, что вы не написали раньше, а то я только сегодня возвратился изъ мглинскаго уѣзда, куда я ѣздилъ къ сильно больному графу Гудовичу; только что возвратился и уже собираюсь ѣхать въ Одессу для занятія шелководствомъ. Все это время я прожилъ въ братскомъ монастырѣ, гдѣ занимался чтеніемъ церковныхъ писателей, то есть всего относящагося къ иконописи. Сказать правду, я приобрѣлъ немного; но не виню въ этомъ прочитанныхъ мною писателей, а возлагаю всю вину на мою глупую голову; самъ не понимаю, отчего она отказывается глубоко входить въ смыслъ прошедшаго, между тѣмъ какъ чувствуетъ присутствіе этого смысла. Иконописаніе одно изъ такихъ явленій церковной, а слѣдовательно и народной нашей жизни, которое передаетъ многое, указываетъ на то, какъ нашему племени Богъ судить пріянять неискаженную чистоту священныхъ преданій, точно также, какъ нѣкогда избранному народу Божию далъ обѣтованіе провести во всей чистотѣ преданіе о своемъ существѣ и довести его до минуты воявленія Своего въ Спасителя міра. Не знаю, связано-ли я нишу (только что возвратился съ дороги), но знаю, что мысль есть, только видно еще она не возросла до того, чтобъ явиться въ словѣ и явиться со всею ясностію и отчетливостію“.

„Въ заключеніе всего скажу вамъ: простите, если не умѣю написать статьи для „Кіевлянина“, и вѣрьте, что это не моя вина, а немножко ваша. Есть у меня большая статья—разборъ италіянскаго сочиненія о политической экономіи, написанный еще въ 1843 году, но и тотъ не отдавался еще въ назначенную мнѣ цензуру. Окончу желаніемъ успѣха вашему начинанію и дружескимъ пожатіемъ вашей руки. Если увидите общихъ нашихъ пріятелей, всѣмъ по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннѣйшей, благословенной семьѣ Аксакловыхъ“.

Душевно васъ уважающій О. Чижовъ.

Кромѣ біографической черты, письмо это ясно указываетъ читателю на чрезвычайную многосторонность свѣдѣній и дѣятельности этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на его полное уваженіе къ другому, выдающемуся лицу въ ученomъ и литературномъ мѣрѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлалъ, чѣмъ не занимался этотъ человѣкъ! Онъ изучаетъ иконописаніе¹⁾, онъ занимается политической экономіею, онъ развиваетъ шелководство, онъ завѣдуетъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и все это съ полнымъ знаніемъ дѣла и строжайшей добросовѣстностію.

Будемъ-же собирать и хранить воспоминанія о всѣхъ подобныхъ дѣятеляхъ, знакомство съ которыми, даже заочное, посмертное, согрѣваетъ сердце и подымаетъ душу къ неослабному веденію труда, какой кому Богъ послалъ.

Въ другой разъ мы приведемъ здѣсь письма Венелина, Хомякова, Самарина, Елагиной, Кирѣевскихъ...

С. Пономаревъ.

25 февраля 1883 г.

¹⁾ Не только въ Россіи, но и за границей.